

В киргизском материале хорошо выделяются некоторые религиозные верования и обряды, характерные для тюрков VI—VIII вв. Анализ и интерпретация их широко аргументированы в книге С. М. Абрамзона (см. сноску 1). Факты, опубликованные Т. Д. Баялиевой, подтверждают этногенетические выводы и обобщения С. М. Абрамзона о наличии в этническом составе киргизов древних тюркских этнических элементов. Мимо этих материалов не пройдет, конечно, ни один тюрколог; этнограф или историк, занимающийся этнической историей и происхождением упомянутых народов.

Отдельные материалы по верованиям ценны и для истории общественного строя киргизов. Так, в погребальном обряде киргизов зафиксирован обычай хоронить умершего, где бы он не скончался, на его родовом кладбище. Это, в свою очередь, может указывать на то, что древний род у киргизов имел в прошлом собственную территорию. В таком плане, очевидно, можно толковать установленное С. М. Абрамзоном и др. почитание отдельными киргизскими родами своих «священных» гор, поскольку родовой культ гор, как показано на материале саяноалтайских народов, отражал родовую собственность на территорию².

Полевые материалы Т. Д. Баялиевой содержат не только ссылку на имя и местожительство информаторов, но и указывают на их родоплеменную принадлежность в прошлом. Последнее обстоятельство весьма существенно для научного анализа исследуемого материала. Названия родоплеменных подразделений, еще не исчезнувшие из памяти многих представителей старшего поколения киргизов, весьма устойчивы. Они отражают собой целую область народных исторических знаний, которую можно назвать народной этногенетикой, с присущей ей особой систематикой этнического состава и генеалогии местного населения, передаваемой изустно. Как известно, родоплеменное деление сравнительно недавно было характерной структурой общества многих кочевников-скотоводов, отражавшей их кочевой и полукочевой образ жизни, при котором сколь-либо устойчивое территориальное разделение населения практически невозможно. Народные знания, связанные с номенклатурой родоплеменных делений, их генеалогиями, преданиями о происхождении и расселении и т. д. тех или иных групп, являются весьма ценным историческим источником для изучения этногенеза и этнической истории, для выяснения этнокультурных и этногенетических связей многих, кочевых в прошлом, народностей. Научное значение данного источника уже давно было понято отдельными русскими учеными³. Однако более успешно и широко используют его, в комплексе с другими видами источников, советские ученые⁴.

Соотнесение в книге Т. Д. Баялиевой некоторых верований с родоплеменной структурой киргизов, весьма показательно. Большинство аналогий и параллелей киргизского материала с южносибирским оказалось зафиксированным у представителей тех родоплеменных групп киргизов, исторические предки которых, как известно, обитали в период раннего средневековья в горах Саяно-Алтая и Хангая (Бугу, Сарыбагыш, Мундуз, и др.).

В работе Т. Д. Баялиевой, написанной на полевом материале, использована довольно большая литература на русском языке как старая, так и советская. К сожалению, тираж этой нужной книги явно занижен (500 экз.), что, несомненно, снизит ее практическую пользу.

Л. П. Потапов

² С. М. Абрамзон, Указ. раб., стр. 301; Л. П. Потапов, Культ гор на Алтае, «Сов. этнография», 1946, № 2.

³ См. например, А. И. Левшин. Описание Киргиз-казацких и Киргиз-кайсацких орд и степей, ч. I. СПб., 1832; Н. А. Аристов, Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов, «Живая старина», 1894, вып. III—IV, и др.

⁴ См. Л. П. Потапов, Происхождение и формирование хакасской народности, Абакан, 1957; его же, Этнический состав и происхождение алтайцев, Л., 1969; Н. А. Сердобов, История формирования тувинской нации, Кызыл, 1971; Р. Г. Кузеев, Очерки исторической этнографии башкир, Уфа, 1957; его же, Башкирские щежере, Уфа, 1969; В. В. Восторов, М. С. Муканов, Родоплеменной состав и расселение казахов, Алма-Ата, 1968; С. М. Абрамзон, Указ. раб. и многие другие работы.

А. П. Окладников, А. И. Мартынов. Сокровища Томских писаниц. Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М., 1972, 249 стр., 38 табл.

Изучение наскальных изображений давно привлекает внимание широкого круга специалистов, занимающихся проблемами становления и развития духовной культуры. И это неудивительно, так как расположенные в глубине пещер или помещенные на отвесных скалах, прибрежных камнях рисунки эпохи позднего палеолита, неолита, эпохи бронзы и раннего железа являются подчас едва ли не самым убедительным свидетельством богатой духовной жизни первобытных людей. И если у большей части

населения Европы традиции реалистически достоверных изображений затухают уже к началу неолитического времени, то во многих областях севера Европы и Азии эта традиция продолжает существовать и в неолите, что делает особенно ценными наскальные изображения, обнаруживаемые на территории СССР. Уникальные палеолитические фрески Каповой пещеры исследованы О. Н. Бадером, наскальные изображения Урала изучены и опубликованы В. Н. Чернецовым; исследованы также наскальные изображения Юга СССР. В последние годы работы Ю. А. Саватеева значительно расширили наши представления о наскальных рисунках Карелии. А. П. Окладников и его сотрудники, в первую очередь В. Д. Запорожская, собрали и проанализировали богатый материал по петроглифам Сибири и Дальнего Востока.

Новая монография А. П. Окладникова и А. И. Мартынова знакомит нас с еще одним уникальным памятником, расположенным на скалистых берегах р. Томь в районе между Кемерово и Томском.

Открытый русскими землепроходцами еще в XVII в. и частично опубликованный в 1730 г. Страленбергом, этот памятник в течение трех веков постоянно привлекал к себе внимание специалистов. В советское время исследование древних культур Сибири приняло особенно широкий размах. Начиная с 1964 г. около Томских писаниц начала работу группа сибирских археологов, в числе которой были и авторы монографии. Это позволило не только уточнить уже имевшиеся публикации, но и значительно дополнить их, а также открыть новые районы с наскальными рисунками. Авторы рецензируемой монографии публикуют 360 рисунков, с большой тщательностью выполненных художником Э. И. Биглером по калкам. Широкое использование материалов археологических раскопок, проводившихся в Сибири, этнографические и исторические параллели позволяют дать строго научный анализ рассматриваемой группы петроглифов, установить их хронологию, исследовать стиль, интерпретировать содержание, определить место Томских писаниц в истории культуры.

В кратком предисловии авторы знакомят нас с историей исследования, рассказывают о тех трудностях, с которыми столкнулись в полевых условиях участники экспедиции. В главе I дан анализ предшествующего опыта исследования наскальных изображений, оцениваются проведенные работы и публикации, посвященные рассматриваемому памятнику. Эта глава представляет определенный историографический интерес. В главе II А. П. Окладников и А. И. Мартынов дают подробное описание всех обнаруженных рисунков. Таблицы с фотографиями, помещенные в конце книги, знакомят с естественным обликом писаниц. Авторы разделяют рисунки на три группы в соответствии с их местонахождением: 1) Томская писаница (274 рисунка), 2) впервые открытые экспедицией Новоромановские писанные камни (54 рисунка), 3) Тутальская писаница (32 рисунка).

Хронологический анализ и стилистическое описание Томских писаниц (глава III) авторы предваряют теоретико-методологическим введением, в котором определены принципы подхода к исследованию изображений и их интерпретации, а также указана связь данного памятника как с традициями палеолитического искусства, так и с традициями искусства неолитических племен северной Европы и Азии, занимавшихся охотничье-рыболовецким промыслом. Отвергая идеалистические концепции в объяснении природы и закономерности развития древнейшего искусства, А. П. Окладников и А. И. Мартынов справедливо указывают на неразрывную связь художественной культуры со всем строем жизни первобытных народов. Исследуемые памятники, отмечают они, «неразрывно были связаны с общественной деятельностью человека, развитием его мировоззрения, со сложившимися культурными традициями, явились итогом длительной подготовки в процессе творчества человека, результатом сотен тысячелетий развития человеческого труда, мысли и эстетических представлений» (стр. 167). В качестве главной социальной причины, породившей искусство, авторы выделяют «потребность в нем как в новой силе, позволившей человеку упрочить свое господство над природой, стать выше ее стихий» (стр. 168). Несомненно, сплочивая коллектив, объединяя чувства и эмоции людей, направляя их волю, искусство становилось могущественным социальным регулятором, усиливавшим дееспособность первобытного коллектива в его противоборстве с природой, благоприятно влияло на укрепление внутрикollectивных связей.

Заслугой А. П. Окладникова и А. И. Мартынова является и выдвинутый ими тезис о различии «иррациональной фантастики», истоком которой являются мифологические и магические представления, определенным образом сказавшиеся на образной системе искусства палеолита и неолита, и «творческой фантазии», опирающейся на жизненную практику и позитивный опыт; последняя в большей степени определяет художественную ценность произведений. Отдельные положения А. П. Окладникова и А. И. Мартынова, связанные с данным тезисом, недостаточно точны. Так, на стр. 169 авторы характеризуют наскальные изображения Сибири, в том числе и Томские писаницы, как искусство «реалистическое по форме, но вместе с тем мифологическое по содержанию, магическое по своей направленности». Лучше, вероятно, в данном случае говорить о том, что искусство реалистично и по содержанию, и по форме, хотя и включено в систему мифологических представлений, а по своим функциям связано с магическими обрядами. Такая формулировка вполне сочеталась бы и с последующей характеристикой искусства «звериного стиля», о котором говорится, что оно «было монументально-реалистическим, живым и полнокровным» (стр. 172).

Авторы дают убедительное, основанное на строго материалистических принципах объяснение устойчивости палеолитических традиций в искусстве ряда районов Сибири, а также вскрывают закономерности изменения стилистического облика и содержания искусства в процессе его исторической эволюции, особенно при переходе от флювиопластической к идеопластической образности, что приводит к нарастанию условности, схематизма, символизма, столь характерных и для Томских писаниц, относимых к эпохе бронзы (основная часть рисунков включена в контекст художественной культуры неолита).

По стилистическим особенностям Томские писаницы разделяются авторами на три достаточно выразительные группы: изображения, нарисованные красной краской; рисунки, выбитые контуром; фигуры, глубоко прорезанные. Наиболее древним авторы считают частично сохранившееся изображение крупного животного, скорее всего лошади, нанесенное красной охрой на Тутальскую скалу. Об этом говорит и большой масштаб писаницы, и особенности ее местоположения среди других рисунков (писаница перекрыта более поздними изображениями), и сравнительно грубый характер контурной линии. Сопоставление этого памятника с изображениями лошадей в Каповой пещере, на Шишкинских скалах (р. Лена), а также в пещерах Франции и Испании позволяет обнаружить многие общие черты: особенности масштабов изображения, прорисовки контура, специфика объекта изображений и пр. Ряд убедительных признаков позволяет говорить о палеолитическом возрасте этой писаницы. Несомненно, нет оснований относить ее к периоду расцвета палеолитического искусства, т. е. ориньяко-солутрейскому или раннемадленскому времени. Как шишкинские наиболее древние изображения, так и Тутальская писаница относятся, вероятно, к самому концу палеолита, когда пещерная живопись начала период ломки и упадка традиций. Поэтому в них явно чувствуется некоторое затухание искусства реалистически точных рисунков ориньяко-солутрейского и раннемадленского времени» (стр. 179). Но несмотря на это, техника изображения и стилистические особенности еще сохраняют вполне выраженный палеолитический облик.

Большая часть изображений Томских писаниц датируется неолитом. Ведущей темой этих наскальных рисунков являются лоси, а также медведи, птицы. Возраст рисунков помогают установить аналогии с неолитическими скульптурными изображениями лосей из Базаихинского могильника, открытого еще в XIX в. И. Т. Савенковым, а также с резной деревянной скульптурой Шигирского и Горбуновского торфяников на Урале. Эти памятники сближает обобщенная манера изображения, отсутствие прорисовки деталей, интерес к внутреннему состоянию зверя, а также ряд других общих признаков. Параллели к изображениям медведя — хорошо датированные скульптурки из Самусьского могильника, из захоронения, обнаруженного А. П. Дульзоном в Томске, головка медведя из Васьяловского могильника (Кузбасс). Менее выразительны параллели к изображениям водопадающих птиц.

Все неолитические писаницы разделяются А. П. Окладниковым и А. И. Мартыновым на три хронологические группы: ранне-неолитические, относящиеся приблизительно к VI—V тыс. до н. э.; более поздние, относящиеся к расцвету неолита, т. е. приблизительно к IV—III тыс. до н. э.; конца неолита, в основном относящиеся к середине II тыс. до н. э.

Бронзовым веком датируются более обобщенно-схематические изображения — антропоморфные фигуры, личины, лодки и др., среди которых особенно выделяется рисунок мифического оленя с семью полосами наподобие лучей вместо рогов. Параллели к этим изображениям из могильника Тас-Хазза (Хакассия), Самусь IV (близ Томска) и др. убедительно подтверждают их датировку эпохой бронзы. Каждая из этих групп имеет свои особые стилистические признаки, и их последовательное рассмотрение помогает выявить эволюцию стилей в неолитическом наскальном искусстве.

Специальная глава (IV) посвящена семантике тематических циклов описанных в книге петроглифов. На основании мифов, сказаний, а также сведений об общем характере жизни племен в тот или иной исторический период авторы рисуют духовную жизнь древних людей. Наряду с изображениями зверя («хозяина тайги») в этой главе интерпретируются изображения птиц, антропоморфные фигурки и личины, образ оленя с лучами вокруг головы («олень — солнце»), изображения лодок. Широко привлекая этнографический материал, используя исторические параллели, А. П. Окладников и А. И. Мартынов устанавливают общие черты Томских писаниц с искусством северных племен Евразии. Причины такого сходства культур справедливо объясняются не этническим родством (такого рода гипотеза неоднократно высказывались в литературе), а общим характером хозяйственной жизни, который обусловлен географическим фактором, материальной основой, определяющей весь строй духовной культуры. «Очевидно, — пишут авторы, — в основе общности основных элементов культуры лежит, конечно, не этническая однородность населения, а общая материальная культура, на которую оказали влияние одинаковые географические условия» (стр. 239). Иными словами, причины такой общности следует искать именно в особенностях хозяйственной жизни, «тех ее сторонах, которые формируют мировоззрение народа» (там же). Именно такой строго материалистический подход к расшифровке изображений позволяет говорить и о том, что охотничье-рыболовецкий промысел определял весь строй жизни у северных племен Азии и Европы вплоть до Скандинавии и послужил основой создания единого «звериного стиля» и близких по своему характеру и стилю «художественных школ» часто в далеко отстоящих друг от друга очагах куль-

туры. При этом в монографии отмечается и некоторое влияние на изобразительное творчество населения берегов Томи южных степных народов, уже перешедших к земледелию и скотоводству.

Рассмотрение писаниц с точки зрения их культурно-исторического места в древней истории Сибири (глава V) приводит исследователей к заключению, что Томские скалы с петроглифами стояли «на границе двух больших культурно-исторических зон, на перекрестке лесов и степей; они были как бы форпостами культуры лесных обитателей Сибири» (стр. 244). Отмечая специфику и неповторимый облик рисунков, авторы в то же время высказывают предположение, что они были оставлены группой племен, входивших в большую угорскую общность — предков маньси — вогулов или хантов — остяков.

Несомненно, одно только знакомство с Томскими писаницами, этим уникальным памятником древней сибирской культуры, может представлять значительный интерес. Но в монографии детально и всесторонне проанализированы наскальные рисунки в связи с другими памятниками в общем контексте древней художественной культуры. Прослеживаются общие закономерности в развитии древнейшего искусства и тем самым читателю открывается путь в многообразный и сложный мир представлений, эмоциональных переживаний и чувств, ценностных ориентаций древних людей, мир, не застывший, а находящийся в движении, развитии. Несомненно, монография «Сокровища Томских писаниц» заинтересует не только археологов. Ценные наблюдения и мысли, общий масштаб затронутых проблем, значимость выводов делают книгу весомым вкладом в изучение ранних форм становления и развития духовной культуры и искусства. Она несомненно привлечет внимание специалистов в разных областях знания, объединенных общей задачей изучения природы и законов развития древней культуры и художественной деятельности.

В. В. Селиванов

Древности Московского Кремля. М., 1971, 291 стр., илл.

Москва — один из наиболее изученных в археологическом отношении древнерусских городов. Свидетельство этому — рассматриваемый сборник, статьи которого освещают многие стороны истории русской культуры: домостроительство, ремесло, прикладное искусство, социальную топографию и т. д.

В самой большой по объему статье сборника «Культурный слой центральных районов Москвы» (стр. 5—115), написанной М. Г. Рабиновичем, определяется время существования 30 построек, распределенных по трем основным хронологическим этапам — XI — XIV, XIV — XVII, XVII — XX вв. Признавая важность этих наблюдений, мы, однако, отдаем предпочтение датировке отдельных сооружений Москвы, ибо этапы развития материальной культуры в различных районах Москвы не одинаковы, а закономерности возникновения разновременных горизонтов, содержащих дома, усадьбы и т. д., не объяснены историей города.

О владельце усадьбы 21 М. Г. Рабинович сообщает на стр. 65: он был «кричником, ювелиром и литейщиком». Подобное совмещение специальностей в XV в. представляется нереальным.

Керамика, обнаруженная в московских постройках, описана и классифицирована М. Г. Рабиновичем тщательно, разносторонне и превращена в надежную опору для датировки построек и культурного слоя. Однако, рассматривая белую керамику, следовало бы рассказать о ее бытовании не только в древней Руси, но и в других странах средневековой Европы, например, в Польше, Молдове и Валахии (стр. 104).

Работа М. Г. Рабиновича, не лишенная спорных мест, но содержащая систематизированные данные о стратиграфии древней Москвы, полезна не только историкам культуры. Она поможет будущим исследователям истории Москвы датировать вновь открытые сооружения и предметы.

В статье Н. С. Шеляпиной «Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963—1965 гг.» уточнены размеры площади, которую занимала домонгольская Москва (стр. 126).

Статья Д. А. Беленькой «Археологические наблюдения в Успенском соборе в 1966 г.» знакомит нас с довольно убедительной гипотезой о создании уже во второй половине XII в. в Кремле Успенского деревянного собора.

В сборник включена также статья крупного палеозолога В. И. Цалкина «Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок Москвы», написанная на основании анализа костей 4,5 тыс. особей млекопитающих. В. И. Цалкин сделал остеологический материал чутким индикатором социальной топографии Москвы, показав, что роль охоты в хозяйстве рядовых москвичей, обитавших на посаде города, была ничтожной; у обитателей Кремля роль этого промысла возростала, что отражает их феодальные охотничьи привилегии. Обращаясь к характеристике роли скотоводства в Московской Руси, В. И. Цалкин пришел к убедительному выводу, что в северных и центральных районах Московской Руси основным рабочим животным была лошадь, а не вол.